

УДК 159.9:343.8

ЮРИЙ МИРАНОВИЧ АНТОНЯН,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
главный научный сотрудник НИИ МВД России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: antonyaa@yandex.ru;

ЮЛИЯ ЮРЬЕВНА КРАСИКОВА,

кандидат психологических наук, доцент,
начальник кафедры психологии профессиональной деятельности
в уголовно-исполнительной системе,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: y5751@mail.ru;

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА САВЕЛЬЕВА,

кандидат психологических наук, эксперт,
Следственное управление Рязанской области,
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: tanyasav09@mail.ru

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

Для цитирования

Антонян, Ю. М. Психотерапевтические возможности исправления осужденных / Ю. М. Антонян, Ю. Ю. Красикова, Т. И. Савельева // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26(1–4), № 3. – С. 331–339.

Аннотация. Исследуются возможности психотерапии в деле исправления осужденных, отмечается, что ее может использовать и тот сотрудник исправительного учреждения, который не проходил специальной и углубленной психотерапевтической подготовки. Изучаются основные черты мотивации, подчеркивается ее значимость для познания личности осужденного и субъективные причины его поведения, в первую очередь преступного. Рассматриваются основные «узлы» психотерапевтической работы, которые в тексте обозначены как контракты, а также программы психокоррекционной работы с осужденными. Некоторые из этих программ уже адаптированы в пенитенциарной практике России для работы с отдельными категориями преступников.

Ключевые слова: психотерапия, психотерапевт, осужденный, беседа, программирование, тренинг, переориентация осужденного.

В нашей стране долгие десятилетия не существовало серьезной, научно обоснованной и эффективной деятельности по исправлению осужденных. В отношении их проводилась так называемая политико-воспитательная работа, и считалось, что надо

исправлять и перевоспитывать в первую очередь с помощью труда, хотя большинство лишенных свободы отнюдь не были тунеядцами и до взятия под стражу трудились. Несмотря на то что проблемы исправительной педагогики активно разрабатывались, в местах лишения свободы было мало тех, кто мог бы внедрить в жизнь результаты самих разработок. Вера в воспитательные возможности труда шла из ГУЛАГа, где рабским трудом были заняты миллионы людей, из числа которых значительная часть не совершала никаких преступлений.

В исправительной системе России слабо использовались достижения психологии. Мы хотели бы показать психотерапевтические возможности в исправительном воздействии на преступников, которое может быть эффективным при соблюдении нескольких условий, а также овладении методикой соответствующей работы. Психотерапевтическому воздействию должно предшествовать:

- тщательное ознакомление со всеми материалами на конкретного человека, оценка полученной информации;
- изучение осужденного на этапе карантина, по возможности установление с ним психологического контакта с тем, чтобы последующая психотерапевтическая работа была как бы продолжением уже начавшегося диалога.

За всем этим должна следовать беседа, которая называется клинической и представляет собой не просто разговор, а нечто более важное и сложное. Именно во время беседы и в зависимости от нее должны решаться основные психотерапевтические задачи: что представляет собой данный осужденный как человек, как воспитывался и кем, какое влияние испытывал на себе, какие цели ставил в жизни и ставил ли вообще, какие планы есть на будущее и, что особенно важно, почему совершил преступление. Именно причины, в которых может быть сосредоточена вся личность, должны стать объектом профилактического психотерапевтического воздействия. При этом надо иметь в виду, что, как это чаще всего и бывает, эти причины не открыты сознанию преступника. Для него, может быть, даже травматично узнать о них, поскольку в них бывает сосредоточена его личность, его глубинные, интимные переживания, его представления о самом себе, кем он, в сущности, является или в качестве кого смог бы принять самого себя. Путь к себе всегда сложен и даже болезнен, тем более когда спутником является другой человек – психотерапевт, но без него этот путь самому осужденному в одиночку не пройти.

Психотерапевт в беседе должен быть тактичен и осторожен, помня о том, что это является необходимым условием достижения успеха всех терапевтических усилий. В беседе не следует упрекать осужденного и читать ему мораль; необходимо показывать понимание его проблем и готовность помочь ему словами, а если это возможно, в том числе с позиции закона, и делом.

Психотерапевт должен иметь план предстоящей беседы. Ее следует начинать с общих вопросов, постепенно выявляя те, которые важны для успеха всей работы, устанавливать мотивы преступного поведения, которые, образно говоря, надо извлекать из человека, а не приписывать их ему. Мотив надо рассматривать в качестве субъективной причины поведения, без знания которой невозможно понять ни самого человека, ни его поступки. Мотив представляет собой внутренний смысл поведения, действия, поступка. Он порождается человеческой потребностью и выражается в деятельности (поведении и т. д.). Человек далеко не всегда способен осознать ту или иную потребность, которая, преобразуясь в мотив, приводит к деятельности. В связи с этим можно говорить о двух уровнях мотивов деятельности – видимом, внешнем, понятном самому субъекту и окружающим, и скрытом, глубинном, который обычно устанавливается другим лицом,

специально обученным для этого. Так, кража может мотивироваться голодом, но такое преступление нередко совершают и те, которые материально вполне обеспечены. В этом случае можно обнаружить потребность в игре (риске), влияние группы, желание показать свою смелость и ловкость и т. д.

Следует также отметить полимотивацию, то есть одновременное действие нескольких мотивов, сознательных и бессознательных, которые переплетаются, взаимодействуют, конкурируют друг с другом, что иногда приводит к противоречивому и даже сумбурному поведению. Мотив – исключительно человеческое явление, это порождение человеческого мозга, поэтому не может быть у животных, которые стимулируются только потребностями и инстинктами.

Между потребностями и поведением нет жесткой зависимости, одни и те же мотивы могут породить различное поведение, а разные мотивы способны вызвать к жизни одинаковое поведение. Вопреки распространенному мнению окончательное решение совершить то или иное действие далеко не всегда является осознанным, например, человеком в состоянии сильного опьянения. Однако есть еще бессознательная сфера психики, которая порождает бессознательные мотивы: невспоминаемые переживания детства и ранней юности, которые вытесняются из сознания в силу своей травматичности, болезненности либо ненужности, неактуальности, а также инстинкты и автоматизмы.

Как справедливо отмечал А. Маслоу, человек представляет собой испытывающее нужду животное и редко достигает состояния полного удовлетворения. Как только удовлетворяется одно желание, тут же его место занимает другое. Когда и оно удовлетворено, на передний план выступает третье и т. д. Здесь мы сталкиваемся с необходимостью изучения взаимосвязей между всеми мотивациями, при этом нам придется отказаться от изолированного рассмотрения мотивационных единиц, если мы действительно стремимся прийти к более широкому пониманию этого феномена [1]. Все эти единицы и переходы от одной к другой следует анализировать в границах одного мотивационного блока, а также внешних и внутренних условий, которые способствуют или препятствуют реализации наших мотивов. Это важно делать и при изучении обычного поведения и преступного.

При мотивированности, считал А. Н. Леонтьев, один из мотивов становится основным, ведущим, остальные – подчиненными, дополнительными. Однако в наших исследованиях мы неоднократно сталкивались с тем, что в некоторых случаях действуют два равнозначимых мотива, например, при совершении хулиганских действий. Весь мотивокомплекс не осознается, но часто проявляется в эмоциональной окраске. Смысл поведения заключается в каждом мотиве, для его обнаружения необходима специальная подготовка.

Знание мотивов преступного поведения имеет первостепенное значение не только для криминологии, но и для криминалистики, уголовного права, исправления преступников. Криминальная мотивация является психологической наукой, поскольку мотив и мотивация представляют собой психологические категории, но эта психологическая дисциплина (как и криминальная социология, криминальная педагогика и т. д.), а не юридическая, хотя и обслуживает нужды юридической практики. Учитывая это, нужно предостеречь от путаницы и неправильного понимания всего того, что связано с мотивами и мотивацией. Например, не следует считать мотивом мотивировку, особенно если она сформулирована заинтересованным лицом (например, обвиняемым или осужденным) или просто вытекает из так называемого жизненного, в том числе профессионального,

опыта сотрудника уголовного розыска или следователя, затем судьи и сотрудника исправительного учреждения.

Мотивировка представляет собой кое-как осмысленное понимание смысла совершенных (совершаемых) действий, имеющее мало общего с реальностью. Обычно это житейские штампы, соответствующие объяснениям индивида. Если же он сам раскрывает их природу, а чаще причины, то его объяснения обычно носят оправдывающий характер, поскольку он больше других заинтересован в этом.

Сам мотив, точнее, его реализация раскрывает сущность человека, его переживания, мнения о себе и об окружающем мире, этических ценностях, поэтому справедливо мнение, что каковы мотивы, такова и личность. Мотив является внутренним, субъективным фактором преступного поведения, поняв его, можно понять и действующего субъекта, построить следственные версии, определить стратегию и тактику общения с обвиняемыми, его допросов во время предварительного следствия и суда, обращения с осужденным и т. д. Это особенно важно, если помнить, что мотивы формируются в процессе индивидуального развития как относительно устойчивые оценочные позиции, а поведение формируется не любыми и всеми возможными для данного лица мотивами, а теми, которые в данной ситуации ближе всего связаны с возможностью достижения цели. Последняя представляет собой мыслимый, виртуальный образ в будущем, овладение которым сейчас наиболее актуально. Цель делается ненужной, если она достигнута, либо это вообще невозможно, либо условия жизни не сделают другой мотив более актуальным, а иную цель более значимой. Как видим, мотив всегда связан с целью, это верно и для неосторожных деяний.

В случае индивидуальной психотерапевтической работы психолог работает с осужденным один на один при отсутствии посторонних лиц.

Достоинством индивидуальной психотерапии является то, что она обеспечивает конфиденциальность, тайну и по своему результату бывает более глубокой, чем групповая. Все внимание психолога направлено только на одного человека. Индивидуальная психотерапия удобна тем, что лучше раскрывает особенности осужденного, снимает у него психологические барьеры, которые неизбежно возникают и с трудом преодолеваются в том случае, когда ему приходится откровенно высказываться в присутствии других людей. Однако этот вид психотерапии малозэффективен при решении проблем межличностного характера.

Необходимыми условиями индивидуальной психотерапии являются:

- добровольное согласие на получение такой помощи;
 - доверие осужденного психологу;
 - активность осужденного и его творческо-исследовательское отношение к собственным проблемам;
 - право осужденного принимать или не принимать оказываемую помощь;
 - право осужденного самому решать вопросы в своей жизни.
- Форма индивидуальной психотерапии выбирается в следующих случаях:
- когда проблемы осужденного индивидуального, а не межличностного характера;
 - когда осужденный категорически отказывается работать в группе или по каким-либо причинам его работа в группе невозможна;
 - когда применяются достаточно сильные методы психологического воздействия и осужденного необходимо постоянно держать под наблюдением и контролем;
 - когда у осужденного выявлена сильная тревожность;
 - когда выявлена сильная заторможенность;

- при неуверенности в себе;
- при необоснованных страхах;
- при проблемах недостаточного осознания самого себя;
- при утрате смысла и цели жизни.

Разумеется, такие ситуации могут сочетаться, переплетаться между собой. Иногда бывает и так, что по характеру проблемы осужденному требуется групповая работа, но он категорически отказывается работать в группе. Тогда в качестве первого шага на пути реабилитации можно использовать индивидуальную работу. И постепенно, по мере готовности, подводить его к осознанию необходимости включения в групповую работу, если такое переключение в принципе возможно и целесообразно.

Индивидуальная психотерапия помогает только тем, у кого есть действительные психологические или поведенческие проблемы. Наличие таких проблем может установить профессиональный психолог или осознать сам преступник. Иногда человеку кажется, что у него есть проблемы, хотя на самом деле их нет. Иногда, напротив, кажется, что проблемы нет, хотя на самом деле она существует.

Все богатство и разнообразие проблем осужденных может быть сведено к следующим основным стратегиям, связанным с их отношениями и состояниями в новых ситуациях. Их проблемы можно решить в рамках так называемого контракта – мыслительного соглашения между преступником и психотерапевтом [2].

1. «Контракт», направленный на формирование полного понимания осужденным своих преступных действий как общественно опасных. Во многих случаях он сам это понимает, однако находит немало обстоятельств, в силу которых его вина якобы не столь велика. В этом случае терапевт должен иметь в виду действительное наличие подобных обстоятельств (понимание).

2. «Контракт», направленный на отреагирование, понимание осужденным своих эмоциональных состояний, в значительной части новых и непривычных, снижение напряжения в связи с лишением свободы и попаданием в новую среду исправительного учреждения (отреагирование).

3. «Контракт», направленный на оказание психологической поддержки осужденному и получение им этой поддержки, что может иметь для него, особенно в первое время, решающее значение (поддержка).

4. «Контракт», направленный на повышение адаптационных способностей осужденных, на их приспособление к новой среде, новым жизненным ситуациям, в том числе определяемых законными требованиями и правилами субкультуры мест лишения свободы (адаптация).

5. «Контракт», направленный на изменение ориентаций осужденного, в частности, на длительную перспективу. Здесь идеальным была бы перестройка всей ориентационной системы (изменение).

6. «Контракт», направленный на формирование промежуточных целей в период отбывания наказания, адаптированного поведения, но, самое главное, только на правомерное (законопослушное) поведение после освобождения от наказания. Это должно быть главным итогом всей психотерапевтической помощи (исправление).

Ни в коем случае нельзя воспринимать этот перечень «контрактов» как нечто, что следует одно за другим в порядке очередности. Например, конкретному осужденному даже при реализации исправления вполне может понадобиться психологическая помощь. Собственно, выделение приведенных «контрактов» весьма условно: так, исправление может начаться при формировании понимания. Таким образом, это не стадии, а

различные моменты в общем русле психотерапевтической работы в исправительном учреждении.

«Контракт» на понимание не предусматривает существенные изменения в личности осужденного, его лучшей приспособленности к ситуациям. Осужденный обычно приходит с просьбой: «Правильно ли я поступаю, понимаю, делаю, думаю и т. п.?» Цель обращения – снизить уровень своей тревоги в каких-то отношениях или ситуациях, иногда переложив ответственность на другого человека, который также в ситуации присутствует, или на ситуацию в целом. В начале обращений большинство осужденных так или иначе хотели бы оправдать себя. Необходимо иметь в виду, что, если психолог-консультант «подпишет» этот «контракт», на него как на авторитетную сторону будут ссылаться в спорных ситуациях: «А психолог сказал, что я прав (или ты не прав)!» Частной стратегией «контракта» на понимание является и выгораживание других людей, например, вопросы типа: «Ведь хорошо так поступать, как он?» Осужденный часто спрашивает информацию обобщенного плана: «А не могли бы Вы рассказать о...?» Полученная информация при этом отбирается под задачу осужденного что-то или кого-то оправдать.

«Контракт» на отреагирование предполагает работу с состоянием человека. Метафорически задача заключается в том, чтобы обеспечить «слив», «выпустить пар из котла». Осужденный в данном случае не склонен обсуждать свои проблемы, подробно отвечать на вопросы психолога. Его просьба заключается в том, чтобы что-то психолог сделал, а после этого почувствовал бы себя хорошо. Изменения не предполагаются. Почти классическими здесь являются техники «покричать на кого-то на «пустом» стуле», «побить палкой по подушке, представляя кого-то». По факту психолог провоцирует поиск, идентификацию и разрядку какого-то чувства, эмоционального состояния. После отреагирования степень напряжения у осужденного резко падает, собственно, это и является целью его прихода к психологу, если ничего другого он не заявляет, поэтому очень удачной метафорой в данном случае является слово «слив». «Слился», успокоился и пошел дальше. Частной стратегией «слива» является «выговаривание» осужденного. «Ну вот, поговорил с Вами, и легче стало!» Примером могут служить даже забегающие в кабинет к психологу сотрудники, которые жалуются на других сотрудников, начальников, осужденных, не требуют ничего от психолога, кроме выслушивания. Уходят же удовлетворенные. Обратной стороной ситуации являются эмоциональные состояния самого психолога. Часто после таких посещений он чувствует, что «им просто попользовались», «слились» на него. В работе с осужденным или в разговорах с коллегами они проговаривают тему необходимости «восстановления» после работы с клиентами.

«Контракт», направленный на оказание психологической поддержки осужденному или получение им поддержки со стороны психолога («поддержка»), является основным типом «контракта» при работе с кризисными состояниями осужденных, например, при переживании утраты, горя. В поддерживающих «контрактах» задача по изменениям не ставится. Психолог предполагает, что ресурсность осужденного временно снижена переживаниями, он нуждается в том, чтобы на кого-то опереться, почувствовать почву под ногами, начать постепенно восстанавливаться. В подобных «контрактах» не приветствуется «отреагирование», а больше провоцируется и приветствуется «проживание» чувств. Много обращений осужденных к психологу связано с желанием «почувствовать себя человеком», как-то вернуть высокую самооценку, самоуважение. Сам факт возможности обращения к психологу, его готовности разговаривать с осужденным, «тратить на него время» уже является поддерживающим. Психологи часто проговаривают непонимание запроса осужденного в данном случае. Он ходит, говорит, что психолог ему

очень помогает, при этом ничего не требует от психолога. Данный тип «контракта» не предполагает изменений осужденного. Более того, он по факту сохраняет осужденного, поддерживая его в ситуации. Понимание того, что ты подписываешься на «контракт», на «поддержку», с нашей точки зрения, многое прояснит для психологов-консультантов, снимает напряжение непонимания того, что именно получает от него осужденный.

«Контракт» на адаптацию является основным типом «контракта», который определяет поле психологического консультирования и психологической коррекции. Он направлен на повышение адаптационных способностей осужденных, на их адаптацию к определенным жизненным ситуациям, обстоятельствам, переживаниям. Чаще всего в пенитенциарной практике речь идет об адаптации к условиям исправительного учреждения и о подготовке к освобождению. Осужденный готов обсуждать свою ситуацию, формулировать и разбирать проблему, определять поле собственной ответственности. Основным запросом является: «Что можно сделать для...?» или «Как поступить, вести себя?» и т. п. Данный «контракт» часто включает в себя не только понимание и опознавание осужденным своей ситуации, своей роли, возможных путей изменения ситуации, но и часто его обучение каким-либо умениям. Цель консультирования в данном случае – помочь ему понять происходящее в его жизненном пространстве и осмысленно достичь поставленной цели на основе осознанного выбора при разрешении проблем эмоционального и межличностного характера. Особенностью «контракта» на адаптацию является то, что осужденный приобретает что-то новое (способности, знания, понимание), стремится изменить ситуацию, но не себя. При принятии ответственности на себя в данной проблемной ситуации осужденный не ставит перед собой задачи изменений.

Только «контракт» на изменение реально предполагает, что осужденный, принимая ответственность на себя, вступает на путь изучения себя, изменения себя. Это уже после того, что традиционно называется психотерапией. Данный тип «контракта» предполагает долговременный процесс, занимающийся реконструкцией личности, характеризующийся большими переменами в ее структуре, создание особых отношений помогающего и того, кому помощь оказывается. Этот оптимальный набор условий, способствующих изменению, включает в себя полное принятие осужденного. Столь же важное значение придается способности помогающего понимать внутренний мир человека через чувствование. Конечно, помогающий не мог бы эффективно помогать людям, если бы он не закрывался от них, не был искренен. Открытость и подлинность события с клиентом – часть помогающего процесса.

В области использования психокоррекционных технологий, проведения психокоррекционных программ можно говорить о четырех типах «контрактов» между психологом и осужденным, предполагая, что «контракт» на понимание в психокоррекционных программах должен иметь место. Первый «контракт» – подготовка осужденных к изменению. Речь идет о серьезных и длительных психотерапевтических программах, направленных на личностные изменения осужденного. С нашей точки зрения, наиболее удобной для понимания психологических процессов данных программ может быть измененная модель «логических уровней», предложенная Дилтсом.

Критериями эффективности психокоррекционной работы с осужденными при данном подходе будут: предполагает ли программа проработку всех уровней личности; является ли построенным уровень «миссии» или «миссий», то есть насколько хорошо осужденный представляет краткосрочные и долгосрочные последствия тех или иных действий, является ли его образ себя в будущем позитивным, социально одобряемым; осознана ли осужденным настоящая Я-идентификация себя как преступника, проис-

ходит ли трансформация образа Я в ходе программы в сторону, более адаптивную в социуме; на уровне убеждений и ценностей произошло ли принятие ответственности за совершенное преступление, принимает ли осужденный ценности взаимоотношений, социально одобряемых норм и правил; развиваются ли необходимые социальные способности; демонстрирует ли осужденный новое поведение в коммуникативной сфере, в реагировании на ситуацию; проработан ли внутренний план действий (умения самоконтроля эмоций, мыслей и поведения); происходит ли отказ осужденного от «старого» окружения, связанного с аморальным или криминальным поведением.

В данном случае под психокоррекционной работой мы понимаем воздействие на личность осужденного, его ценностные ориентации, социальные представления, личностные качества, психические состояния с целью ее исправления посредством использования психологических методов, специальных программ и психотехнологий. Всем предложенным выше требованиям соответствуют когнитивно-поведенческие программы психокоррекционной работы с осужденными [3]. Такие программы разработаны и адаптированы в пенитенциарной практике России для работы с сексуальными и насильственными преступниками, а также с осужденными, имеющими различные виды зависимости [4]. Безусловно, данным требованиям соответствуют программы, выстроенные в рамках гештальттерапии, психоанализа. Мы выделяем два типа подобных программ в практике пенитенциарной системы России: первый – типовые программы, построенные под определенную задачу, определенный тип осужденного (более свойственно для когнитивно-поведенческих программ); второй – терапевтические группы (более свойственно для гештальттерапии и группового психоанализа).

Первый тип программы имеет преимущество в том, что материал подробно описан и может быть использован широким кругом пенитенциарных психологов, в том числе не имеющих углубленной подготовки в той или иной области психотерапии. Второй тип «контракта» направлен на повышение адаптационных способностей осужденного. Речь идет о хорошо структурированных, разных по продолжительности тренинговых программах, которые ориентированы на развитие способностей человека. Примером таких программ являются программы по работе с ВИЧ-инфицированными осужденными, подпадающими, обвиняемыми [5]. К подобного рода программам относятся программы психопрофилактики конфликтного поведения. При решении задач адаптации в практике психологов часто используются методы и техники нейролингвистического программирования (НЛП). К данной категории программ (адаптация) также относятся программы по подготовке осужденных к освобождению. Они весьма разнообразны и в целом ориентированы на развитие умения поддерживать контакт с работодателем, формулировать и достигать цели и т. п. Третий тип «контракта» направлен на психологическую поддержку осужденных. В целом имеются в виду краткосрочные тренинги, основная «помогающая» нагрузка которых падает на специфическое поддерживающее общение участников программ. Данные программы в силу ограниченности по времени не могут нести другую нагрузку, хотя при их подготовке заявляются иные задачи (развития умений или изменения убеждений и т. п.). К ним мы в первую очередь относим тренинги, использующие отдельные техники и приемы рационально-эмоциональной терапии, НЛП и других направлений. В принципе вся работа с группами риска (например, суицидального) или повышенного внимания построена по принципу поддержки осужденных. К этой же категории программ относятся краткосрочные тренинги по развитию навыков эффективного общения.

Четвертый тип «контракта» в психокоррекционных мероприятиях обозначается нами как создание условий для отреагирования осужденными своих эмоциональных состо-

яний. По нашим наблюдениям, это наиболее часто встречающиеся виды психокоррекционных программ.

Подводя итоги, можно предложить общий взгляд на содержание и возможности психотерапевтического воздействия на осужденных:

– тщательное изучение личности осужденного, мотивов совершаемого им преступления, его прогнозирование в отношении поведения после освобождения;

– установление с осужденным прочного психологического контакта, завоевание его доверия;

– разъяснение осужденному, почему он совершил преступление, каковы были мотивы его поступков, по возможности рассказать ему, что он представляет собой как человек, его характер, основные черты, субъективные возможности, выбор наиболее перспективных и желательных для него путей в жизни наряду с конкретными соображениями о месте жительства, работе и других жизненно важных вещах;

– все это надо излагать тактично и осторожно, ни в коем случае не в форме нотации. Осужденного надо приглашать к обсуждению и решению его проблем, сделав это как бы незаметно для него.

Промежуточные и окончательные результаты необходимо отразить в личном деле осужденного. Психотерапевтическую работу следует рассматривать как один из наиболее важных путей снижения уровня рецидивной преступности в стране.

Библиографический список

1. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. М., 2017. 517 с.
2. Хачатурян С. Д. «Контракт» в практике работы пенитенциарных психологов // Прикладная юридическая психология. 2007. № 1. С. 98–113.
3. Психологическая служба в пенитенциарных учреждениях ФРГ / В. М. Морозов и др. Владимир, 2001. 115 с.
4. Методическое руководство по работе с осужденными с проблемами химической зависимости и насилия / под общ. ред. И. Г. Ванкона, О. В. Зыкова. Иркутск, 2005. 96 с.
5. Опыт работы психологической службы с ВИЧ-инфицированными осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми : сб. ст. М., 2005. 100 с.